

18+

А. УРВАНОВ

Родные корни

Андрей Урванов

Родные корни

«Издательские решения»

Урванов А.

Родные корни / А. Урванов — «Издательские решения»,

Обычная поездка за наследством приводит Веру в мир, которого не должно существовать. Под закрытым кладбищем живут мертвецы, забытые небесной бюрократией. Но самая опасная тайна ждет не их, а единственного живого человека, сумевшего перейти границу между двумя мирами. Книга содержит нецензурную брань.

© Урванов А.

© Издательские решения

Содержание

Родные корни	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Родные корни

Андрей Урванов

Иллюстратор Элина Зарипова

© Андрей Урванов, 2026

© Элина Зарипова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-8623-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родные корни

Отца Вера почти не помнила. В памяти остался только большой небритый человек, пахнувший потом и соляжкой. Иногда он появлялся дома с пряниками или конфетами, подбрасывал ее на руках, смеялся. Но радость длилась недолго. Очень скоро отец напивался, и тогда квартира наполнялась руганью. Он то кричал, то вдруг становился подозрительно веселым, а потом снова начинал спорить с матерью. О чем они говорили, Вера не понимала, но уже тогда чувствовала: ничего хорошего эти разговоры не принесут.

Через несколько дней отец исчезал так же внезапно, как и появлялся. Проснувшись утром, Вера видела, что дома снова только они втроем: мама, старший брат Ромка и она.

— Где папа? — спрашивала она.

— В рейсе, — коротко отвечала мать.

Потом отец перестал приезжать совсем.

Вере тогда было лет пять, и она не сразу заметила его исчезновение. Сначала еще приходили открытки к праздникам. Потом перестали приходиться и они.

Когда Вера подросла, вопросы стали возникать все чаще. Кто был ее отец? Почему он ушел? Где теперь живет?

Мать долго уходила от разговора. И только когда дочери исполнилось двенадцать, однажды вечером, оставшись с ней вдвоем, рассказала все, что считала нужным.

Отец был дальнобойщиком. Алкашом и кобелем.

В одном из рейсов он разбил машину, на которую семья копила несколько лет. Долго лежал в больнице где-то далеко от дома, а когда выписался, назад уже не вернулся — остался жить с медсестрой.

— Мы думали, вот теперь заживем, — сказала мать без всякой жалости к себе. — Машину купили, работать начал хорошо... А вышло наоборот. Машины не стало, деньги ушли на долги, а потом и он сам пропал.

Через пять лет пришло письмо. Та самая медсестра сообщила, что отец умер. Спился.

Так Вера узнала, что отца у нее больше нет.

Совсем.

Зато был дядя Женя.

Он часто заходил к ним домой, помогал матери по хозяйству. То кран починит, то полку прибьет, то проводку поправит. Невысокий, худощавый, всегда аккуратно причесанный, в чистой, хоть и недорогой одежде. От него неизменно пахло дешевым одеколоном.

Почему-то именно этот запах раздражал Веру больше всего.

Сам дядя Женя казался ей человеком мягким, услужливым и каким-то... скользким.

Зато не пил. И мать не бил.

Когда Вере было уже лет шестнадцать, она как-то спросила:

— Мам, а почему вы с дядей Женей не поженитесь?

Мать даже усмехнулась.

— Так он женат.

Немного помолчала и добавила:

— Да и у меня в паспорте печать от твоего отца стоит.

С тех пор Вера окончательно поняла одну вещь. Ей никогда не будут нравиться аккуратные, приглаженные мужчины.

Ее всегда тянуло к другим — большим, грубоватым, уверенным в себе, к тем, от кого веяло силой и опасностью.

Именно таким оказался ее первый муж.

Мать часто говорила, что мужья — люди приходящие, а вот родня — это кровь, от которой никуда не денешься. Родные корни, повторяла она, останутся с человеком до конца жизни, и потому с родней нужно знаться, какой бы она ни была. Эти слова Вера с братом слышали с самого детства, наверное, не реже, чем пожелание доброго утра или спокойной ночи.

Особенно старалась мать внушить им одну простую мысль: ближе друг друга у них никого нет. Что бы ни случилось, брат и сестра должны держаться вместе, помогать друг другу и никогда не забывать, что они одной крови.

Ромка понимал эти наставления по-своему.

Он был старше Веры на три года, рос долговым, нагловатым парнем и очень рано привык считать себя главным. Все разговоры матери о взаимовыручке почему-то заканчивались тем, что домашняя работа переходила к сестре. Стоило Вере начать возмущаться, как Ромка снисходительно усмехался и неизменно повторял:

— Делай, Верка. Это бабское дело. Придет время — тебе мужик понадобится, вот тогда и вспомнишь, что брат помогал.

Каким образом он ей помогал, Вера не понимала уже тогда, но спорить было бесполезно. Ромка был старше, сильнее, да и мать редко вмешивалась в их ссоры, считая, что дети должны сами учиться ладить между собой.

По-настоящему родственные связи ощущались по праздникам. Тогда вся многочисленная семья собиралась в деревне у бабки с дедом по матери. За длинным столом теснились родные, двоюродные и троюродные братья с сестрами, какие-то дяди и тетки, сваты, кумовья и еще люди, степень родства которых уже никто толком объяснить не мог. Казалось, вся деревня состоит из одной большой семьи.

Мужчины пили обстоятельно, с чувством, словно застолье без хорошей выпивки и не считалось праздником. Женщины держались дольше. Они успевали обсудить детей, соседей, болезни, урожай, цены в магазине, вспомнить кого-нибудь из дальних родственников, а уж потом тоже начинали подпевать. Сначала негромко, словно стесняясь собственного голоса, потом все увереннее, и вскоре над столом уже нестройным хором разносились старые песни про Хасбулата, Стеньку Разина и несчастную любовь, без которой, казалось, не обходилось ни одно деревенское застолье.

Пока взрослые сидели за столом, дети жили своей жизнью. Вера вместе с Ромкой и многочисленной родней с утра до вечера пропадала на улице. Они бегали к речке, лазили по оврагам, строили шалаши, играли в войну, а к вечеру возвращались домой грязные, голодные и счастливые.

Так продолжалось до тех пор, пока Вера не начала взрослеть.

Она и сама не заметила, когда мальчишки перестали смотреть на нее как на своего пацана. Взгляды стали другими, дольше задерживались на ней, а в разговорах появилась какая-то неприятная двусмысленность, смысла которой она еще не понимала, но чувствовала инстинктивно.

Как-то вечером двое двоюродных братьев, уже почти взрослых парней, загнали ее в угол сеней. Сначала все выглядело как глупая игра: смех, шуточки, попытка не выпустить ее наружу. Но уже через несколько секунд Вера поняла, что это не игра.

Совсем рядом стоял Ромка.

Она была уверена, что брат сейчас вмешается. Не потому даже, что любил ее, а просто потому, что так должен поступить любой старший брат. Однако Ромка лишь мельком посмотрел в их сторону и отвернулся, словно ничего не происходило.

Именно этот миг Вера потом вспоминала чаще всего. Не испуганные лица парней, не собственный страх, а широкую сутулую спину брата, который сделал вид, что ничего не заметил.

Помощи ждать было неоткуда.

Все произошло само собой. Левой рукой Вера с размаху полоснула одного из парней по лицу длинными, тщательно отращенными ногтями, а пока тот, вскрикнув, отшатнулся, резко присела и изо всех сил вцепилась второму между ног. Сильные пальцы, привыкшие выдирать сорняки с бабкиных грядок, сжались так крепко, что парень сначала охнул, потом согнулся пополам и медленно осел на пол.

Сидя на корточках она почувствовала что сверху что то капает. Подняв глаза увидела. все в крови лицо первого пацана. Из разорванной брови торчал розовый остаток сломанного ногтя. Вера встала на ноги. В этот момент второй пацан пришел в сознание и скорчившись громко завыл:

Сууука!

На дикий нечеловеческий вой из за стола в другой комнате вывалили взрослые. Матери покалеченных пацанов подбежали осматривать их.

— Тварь, — заголосила мать Врвана, парня с разодранным лицом, — ты могла парня без глаз оставить!

Могла, но не стала, — со странным для себя спокойствием ответила Вера Она обвела взглядом взрослых. Никто не спросил, что произошло. Только Ромка стоял в стороне и почему-то улыбался. Именно тогда Вера впервые по-настоящему усомнилась в словах матери. «Родные корни всегда помогут». Нет. Иногда родные корни просто смотрят в другую сторону.

Были у Веры родственники и со стороны отца. Жили они тоже в деревне, километрах в пяти от той, где жили дед с бабкой по матери. Только деревня эта была совсем дохлая. Молодежь давно разъехалась по городам, там обзавелась семьями, там рожала детей, а здесь коротали свой век одни старики да Верина тетка Таня.

Когда-то Таня тоже уехала. Совсем молодой поступила в медицинский техникум, вышла замуж, а потом жизнь пошла наперекосяк. После развода долго мыкалась по общежитиям и чужим углам, где постепенно научилась пить. Еще немного — и совсем бы пропала, но мать уговорила ее вернуться.

Как раз в деревне почти за бесценок продавали старенький дом, оставшийся после умерших хозяев. Таня послушалась. Мать твердила, что свой дом, пусть и покосившийся, все равно лучше чужого угла, а хозяйство поможет прожить.

Вернувшись, Таня устроилась фельдшером.

Пить она не бросила.

Наоборот, научилась гнать самогон, так что вопрос, чем похмелиться, отпал сам собой.

Пила Таня надрывно, с песнями, плясками и матерными частушками, даже если рядом никого не было. А если становилось совсем весело, отправлялась по деревне в гости.

Гостей, правда, выбирать особенно не приходилось.

Кроме нее и матери, в четырех домах доживали свой век древние бабки, а в пятом жили Аксинья с мужем, которого все звали Васильичем.

Когда-то Васильич был агрономом, человеком на селе уважаемым, и с тех пор так и повелось обращаться к нему по отчеству. За давностью лет, кажется, все уже забыли, как его звали по имени. Даже Аксинья.

Несмотря на возраст, Васильич по-прежнему замечательно играл на гармошке. Мог так пройти веселой плясовой, что ноги сами просились в пляс, а мог затянуть такую грусть, что слезы сами наворачивались на глаза.

Вот к нему Таня чаще всего и шла со своим самогоном.

Выпьют. Васильич возьмет гармонь. На музыку подтянутся остальные соседи.

Так и жила деревня — в тяжелом сельском труде и в пьяном угаре.

Интересно, что долгие годы в деревне почти никто не умирал. Нет, конечно, все жаловались: у кого спина болела, у кого сердце прихватывало, кто-то охал, что ноги уже не те. Но ничего такого, после чего пришлось бы собирать людей на похороны, не случалось. Потом, спустя годы, никто уже и не мог вспомнить, когда в деревне в последний раз был свежий покойник.

А потом умерла Клава.

Весной вышла доить корову без телогрейки, простыла, слегла и через неделю ее уже хоронили.

За Клавой потянулись остальные. Не проходило месяца, чтобы кто-нибудь не умер.

Будто смерть, долго обходявшая деревню стороной, вдруг вспомнила про нее и решила наверстать все разом.

К Михайлову дню Таня уже месяц как жила в деревне одна.

В тот день она, как обычно, напилась до беспамятства и пошла в гости к Аксинье с Василичем. Уже и не помнила, что оба давно умерли. Зато хорошо помнила, что на Михайлов день вся деревня всегда собиралась вместе.

Далеко уйти она не успела. Споткнулась, упала в первый снег и уснула. Так и замерзла.

Повезло ей только в одном.

Окоченевшее тело в тот же день нашел Ромка. Он вспомнил, что на Михайлов день в деревне престольный праздник, а значит, у тетки наверняка найдется самогон. Сам потом не мог объяснить, что его туда понесло. Бывал он у Тани редко, а тут словно кто подтолкнул.

Так и лежала она у дороги, будто спала. Зато не успели ни звери ее растащить, ни птицы расклевать.

На похоронах — сначала деда с бабкой, потом тетки — Вера почти не грустила. Не потому, что была черствой. Просто настоящей близости между ними никогда не возникло.

Из детства она помнила немногое.

Два, от силы три раза в год мать привозила их с Ромкой в деревню. Казалось, приезжала она не столько повидаться с родней, сколько предъявить им детей — живое напоминание о брате, который когда-то бросил семью.

За столом мать неизменно заводила один и тот же разговор. Жалела себя, рассказывала, как тяжело одной поднимать двоих детей, вспоминала непутевого мужа, сокрушалась, что вся жизнь пошла прахом. Делала она это так искренне и так горестно, что вскоре и самой начинало казаться, будто все ее несчастья произошли только по чужой вине.

Вера с Ромкой в такие минуты старались исчезнуть из дома.

Если взрослые не успевали найти им занятие, они уходили бродить по деревне. Если успевали — отправляли за водой, за дровами, кормить кур или встречать скотину.

В хозяйстве держали десяток овец да корову. Под вечер стадо само возвращалось с выпаса, и нужно было выйти к проулку, дожидаться своих животных и загнать их во двор. Для этого детям выдавали по большому ломтю хлеба — приманивать.

Набегавшись за день, Вера потихоньку объедала хрустящую корку.

Ромка каждый раз замечал.

— Не жри хлеб, овцам не хватит.

Вера молча отламывала еще кусочек.

Она уже тогда понимала, что овцам хватит. Просто брату нравилось командовать.

Зато мать всякий раз уезжала из деревни с тяжелыми сумками. Бабка совала продукты, тетка незаметно подкладывала деньги, будто пытались хоть немного расплатиться за грех сына и брата.

Ни Вера, ни Ромка никогда не воспринимали это как помощь.

Для них это было чем-то привычным.

Без отца они выросли так же, как росла половина их двора.

У кого-то отец пил. У кого-то сидел. У кого-то давно ушел в другую семью.

Поэтому свое детство Вера никогда не считала несчастным. Иногда ей даже казалось, что жить без отца проще, чем каждый день ждать, когда пьяный мужик вернется домой и начнет орать.

Свободы у них было хоть отбавляй.

Мать работала на двух работах и физически не успевала следить за детьми. Никто не проверял уроки, не заставлял ложиться вовремя спать, не спрашивал, куда они уходят по вечерам.

Ромка рано начал курить. Лет с четырнадцати — выпивать.

С Верой получилось иначе.

Она хорошо училась, охотно помогала матери по дому и, несмотря на дворовые компании, каким-то чудом сумела не спиться, не скуриться и не растерять себя. Сейчас она и сама не смогла бы объяснить почему. Наверное, просто повезло.

А может, потому что ей всегда хотелось другой жизни.

Летом их снова отправляли в деревню. И вот там начиналось настоящее счастье.

Каникулы длились вечность. В деревню съезжались дети со всей родни. Казалось, каждый второй приходился тебе братом или сестрой, пусть даже троюродным. Дни проходили на речке, в лесу, на сеновалах, вечерами были танцы в клубе, а потом ночные прогулки до самого рассвета.

Именно тогда Вера познакомилась с Лехой.

Леха совсем не был похож на деревенских парней ее возраста. Пока остальные бренчали на гитаре, спорили о том, кто сильнее — Тайсон или Ван Дамм, и мечтали после армии устроиться на завод, он рассуждал о другом.

— Всю жизнь на зарплату прожить можно, — говорил он, лениво ковыряя палкой костер. — Только жить это будет чужая жизнь. Я на дядю работать не собираюсь.

— А кем будешь? — спрашивал кто-нибудь.

— Собственное дело открою.

— Какое?

— Пока не знаю. Главное, чтобы свое.

Он говорил это спокойно, без хвастовства. Будто давно решил и теперь просто ждал своего времени.

Вера тогда впервые увидела человека, который не жаловался на жизнь и никого не обвинял. Он просто знал, чего хочет.

Наверное, именно тогда она и влюбилась.

Не сразу.

Незаметно для самой себя.

Пожалуй, он был единственным парнем в деревне, с которым родство не прослеживалось, хотя в деревне это никогда нельзя было утверждать наверняка. Леха жил здесь постоянно.

Высокий, широкоплечий, уверенный в себе, на два года старше Веры, он казался взрослее остальных. Пока другие только болтали о том, как будут жить, Леха уже строил планы.

— Работать на дядю не буду, — говорил он. — Свое дело открою. Коммерсантом стану.

Тогда это слово звучало почти как приговор или обещание большого будущего — смотря кто произносил.

Леха произносил его уверенно.

И Вера ему верила.

Он быстро стал заводилой всей компании.

А потом — и ее парнем.

Леху забрали в армию. Вера ждала его так, как ждут в семнадцать лет, когда кажется, что два года — это почти вечность, но любовь сильнее любого срока. Она писала письма, получала короткие ответы, перечитывала их по нескольку раз и была уверена, что после армии все обязательно будет хорошо. Вернулся Леха другим.

Не хуже. Просто взрослее. Он перебрался в Верин город, на окраине, возле трассы, открыл шиномонтаж и небольшой автосервис. Дело понемногу пошло. Вскоре у него появилась черная тонированная «Приора». По нынешним временам смешно, а тогда в их небольшом городке такая машина считалась признаком того, что человек чего-то добился. Когда он впервые приехал к Вере на черной тонированной «Приоре», девчонки со двора потом еще неделю обсуждали машину. Леха только смеялся. — Машина — это железо. Главное, чтобы дело работало.

Он уже открыл возле трассы шиномонтаж и небольшой сервис. Сам крутил гайки, сам принимал клиентов, сам ругался с поставщиками. Домой приезжал грязный, пахнущий бензином и металлом, но счастливый. Иногда поздно вечером они сидели возле подъезда. Леха рассказывал, каким хочет сделать сервис через несколько лет.

— Представляешь, три бокса... Потом автомойку рядом... Потом магазин запчастей... Люди будут со всей области ездить.

Вера слушала его и верила каждому слову. Ей нравилось, что он умеет мечтать не о красивой жизни, а о работе. Тогда ей казалось, что именно так и должен выглядеть настоящий мужчина. Вера смотрела на него с восхищением. Ей казалось, что мать всю жизнь ошибалась. Бывают, оказывается, сильные мужчины, которые не только кулаками махать умеют.

Пожились они неожиданно.

Вернее, пришлось пожениться.

По залету.

Иногда Вера думала, что Леха и без беременности сделал бы ей предложение. Иногда — что не сделал бы никогда. Теперь уже не узнать.

Жили они в съемной двухкомнатной квартире неподалеку от сервиса.

То, что Леха выпивал, Вера сначала не пугало. В их городе почти все мужики выпивали. Кто по пятницам, кто по выходным, кто каждый день после работы. Это казалось такой же частью жизни, как снег зимой или грязь весной.

Первое время Леха был совсем другим. Он мог среди ночи вскочить на плач сына раньше Веры, долго носил его по комнате на руках, что-то тихо бормотал, пока мальчик снова не засыпал. Иногда, вернувшись вечером с работы, даже не успевал переодеться. Брал Сережку на руки, подбрасывал под потолок, а тот смеялся так заразительно, что начинала смеяться и сама Вера. В такие минуты ей казалось, что все страшное осталось позади. Что именно такой будет вся их жизнь.

Но счастье почему-то всегда заканчивается незаметно. Никто не может потом сказать, в какой именно день все пошло не так.

Первый раз он ударил ее по пьяни.

Пощечина получилась какой-то нелепой. Леха тут же принялся просить прощения, говорил, что ничего не помнит, что больше такого не повторится. Вера поверила.

Хотела верить.

Потом ударил еще раз.

Потом еще.

Потом уже и трезвым.

Страшнее всего было не то, что он бил.

Страшнее было смотреть на маленького Сережку, который, ничего не понимая, начинал плакать всякий раз, когда отец повышал голос.

Вера долго терпела.

Наверное, слишком долго.

Как-то она рассказала матери, что Леха ее бьет.

Та выслушала спокойно, словно речь шла о плохой погоде.

— Бьет — значит любит, — сказала она. — Думаешь, другие мужики только глядят?

После этого разговора Вера больше никогда не жаловалась матери.

Однажды вечером Леха пришел домой слегка навеселе. Настроение у него было отвлеченное. Из-за чего началась ссора, Вера потом уже и не могла вспомнить. Помнила только, что он бил ее долго, зло, уже не разбирая, куда приходится удар.

На полу, у стены, захлебывался плачем годовалый Сережка.

Леха даже не посмотрел в его сторону.

И тогда что-то в Вере оборвалось окончательно.

Ночью, когда муж уснул, она молча собрала детские вещи, оделась сама, взяла сына на руки и ушла.

Не к матери.

К подруге.

Почему-то она была уверена, что мать не скажет: «Оставайся у меня».

Она скажет совсем другое.

И, наверное, оказалась бы права.

Прошло несколько лет. Жизнь понемногу вошла в колею, хотя Вера еще долго ловила себя на том, что, услышав вечером во дворе мужские голоса или хлопнувшую дверь подъезда, невольно вздрагивает, будто Леха каким-то образом сумел ее найти. Потом это прошло. Осталась только привычка жить одной, рассчитывать только на себя и никого ни о чем не просить. Деньги приносила работа в интернете: она по-прежнему продавала косметику, понемногу развивала блог о здоровом образе жизни, отвечала подписчикам, снимала короткие ролики. Больших доходов все это не давало, но на жизнь хватало. Что-то уходило на Сережку, что-то удавалось откладывать, и впервые за много лет Вера почувствовала странное спокойствие человека, который знает: завтра будет не легче, но и не страшнее, чем сегодня.

Именно тогда в ее жизни появился Юра.

После Лехи он показался ей человеком совсем другой породы. Не лучше и не хуже — просто другим. Он не говорил громко, не размахивал руками, почти не пил и никогда не пытался казаться сильнее, чем был на самом деле. Работал инженером на заводе, любил порядок, читал книги, и рядом с ним Вера впервые за долгое время перестала жить настороженно, словно каждую минуту ожидая беды.

Первые месяцы рядом с Юрой казались Вере настоящим отдыхом. После жизни с Лехой тишина сама по себе была счастьем. Никто не хлопал дверями, не приходил домой пьяным, не орал среди ночи. Если возникал спор, Юра предпочитал промолчать, а не доказывать свою правоту. Иногда ей казалось, что судьба наконец решила пожалеть ее и подарить спокойную жизнь.

Жизнь с Юрой оказалась удивительно спокойной. Настолько спокойной, что иногда Вере казалось, будто она не живет, а понемногу засыпает.

Странно устроен человек. После Лехи ей хотелось только одного — чтобы никто не кричал, не пил, не хлопал дверями, не заставлял каждую минуту ждать беды. И вот все это исчезло. В квартире стояла тишина. По вечерам Юра сидел за компьютером или читал книгу. По выходным они ходили в магазин, иногда выбирались в кино, летом ездили на озеро. Со стороны их жизнь выглядела такой правильной, что хоть фотографировать для семейного журнала.

Только счастья почему-то не прибавлялось.

Она долго не могла понять, что именно ее тревожит. Юра был добрым человеком. Никогда не повышал голос, не устраивал сцен, не ревновал без причины. Он даже цветы ей иногда покупал — без праздников, просто по дороге с работы. Другие женщины, наверное, только позавидовали бы такой жизни.

Но чем дольше они жили вместе, тем чаще Вера ловила себя на ощущении, будто в доме нет мужчины.

Нет, Юра был рядом. Каждый вечер возвращался с работы, исправно приносил зарплату, охотно соглашался со всем, что она предлагала. И именно это постепенно начинало ее раздражать.

Однажды она попросила его повесить полку в ванной.

— Конечно, — легко согласился Юра. — Только сначала надо посмотреть, какие там стены.

Вечером он посмотрел.

На следующий день сказал, что нужно купить хорошие сверла.

Потом выяснилось, что дрель у соседа.

Потом сосед уехал на дачу.

Через две недели Вера молча купила дрель, крепеж и сама повесила полку.

Юра нисколько не обиделся. Наоборот, даже похвалил.

— Молодец. Красиво получилось.

Искренне похвалил. Без тени иронии.

В тот вечер Вера долго не могла уснуть. Лежала, смотрела в потолок и думала, что ведь дело совсем не в полке. Можно было вызвать мастера, попросить соседа, нанять кого угодно. Не в этом счастье.

Ей вдруг стало страшно от другой мысли.

Если однажды случится настоящая беда, ей снова придется справляться самой.

Эта мысль пришла неожиданно и больше уже не уходила.

После этого случая она начала замечать такие мелочи повсюду. Юра не умел выбирать. Не умел решать. Не умел брать ответственность даже за пустяки. Он подолгу рассуждал, советовался, откладывал, переносил, надеясь, что проблема как-нибудь рассосется сама собой. И если она не исчезала, ее незаметно решала Вера.

Сначала это казалось случайностью.

Потом привычкой.

А потом Вера вдруг поняла, что живет рядом с человеком, которого все чаще хочется не обнять, а пожалеть.

И именно в эту минуту она испугалась по-настоящему.

Потому что женщине очень трудно любить мужчину, которого она начинает жалеть как ребенка.

Постепенно Вера стала замечать, что все реже разговаривает с Юрой. Не потому, что они ссорились. Наоборот, ссор у них почти не было. Просто говорить оказалось не о чем. Он жил своей жизнью, она — своей, и обе эти жизни удивительным образом помещались в одной квартире, почти не пересекаясь.

Иногда ей казалось, что рядом с ней живет хороший, порядочный человек, которому она искренне желает счастья. Только счастье это почему-то должно было случиться не с ней.

Однажды вечером, когда Сережка уже спал, она вдруг сказала:

— Юр, нам надо поговорить.

Он поднял глаза от книги и сразу все понял.

— Ты уходишь?

— Да.

Он долго молчал.

Потом тихо спросил:

— Из-за меня?

Вера покачала головой.

— Нет. Из-за себя.

Юра грустно улыбнулся.

— Знаешь... я ведь все время чувствовал, что ты однажды это скажешь.

Она подошла, обняла его и неожиданно для самой себя заплакала.

Не потому, что любила. И не потому, что было жалко прожитых лет.

Ей было жалко этого тихого, доброго человека, который так и не понял, почему рядом с ним нельзя быть счастливой.

Через неделю она сняла небольшую квартиру.

Юра помог перевезти вещи.

Молча поднял коробки на третий этаж, поставил их в прихожей, постоял немного, словно хотел что-то сказать, но так и не решился.

— Ну... если что... звони.

— Спасибо, Юр.

Он кивнул и ушел.

Больше они друг друга не видели.

Когда за Юрой закрылась дверь, Вера вдруг поймала себя на мысли, что впервые за много лет осталась одна и почему-то не испытывает ни страха, ни сожаления. Будто закончилась еще одна глава ее жизни, а начинать новую совсем не хотелось.

К мужчинам она больше не испытывала ни обиды, ни злости. Просто перестала им верить.

Жизнь научила. Одни причиняли боль. Другие не могли защитить даже самих себя.

Наверное, поэтому все чаще вспоминалась старая деревня.

Она сама не могла бы объяснить, почему.

В деревне давно никто не жил. Родных не осталось. Делать там, по большому счету, было нечего. И все-таки мысль о ней возвращалась снова и снова. Сначала изредка, потом все настойчивее, пока однажды Вера не поняла, что думает о ней почти каждый день.

Шло время.

Сережка незаметно вырос. Все реже нуждался в материнской опеке, все чаще пропадал с друзьями, а дома появлялся лишь поесть да переночевать. Вера иногда ловила себя на мысли, что жизнь опять незаметно изменилась, только на этот раз она даже не заметила, когда это произошло. Еще вчера сын держал ее за руку по дороге в школу, а сегодня уже стеснялся этой руки.

Работы тоже становилось меньше. Интернет-бизнес, когда-то казавшийся перспективным, постепенно угасал. Молодые девчонки приходили на смену таким, как она, легче осваивали новые программы, быстрее снимали ролики, увереннее чувствовали себя перед камерой. Вера не завидовала им. Просто однажды поняла, что и этот этап жизни подходит к концу.

Все чаще она уезжала в деревню.

Дом тетки Тани за несколько лет совсем обветшал. Крыша кое-где просела, палисадник зарос крапивой выше человеческого роста, калитка покосилась так, что закрывалась только с хорошего пинка. Любой другой давно махнул бы рукой на такое хозяйство, но Вера всякий раз брала косу, топор или молоток и принималась за работу. К вечеру ломило спину, гудели руки, зато на душе становилось спокойно.

Сама она не понимала, почему так происходит.

В городе любой пустяк раздражал. Очереди в магазинах, телефонные звонки, реклама, бесконечные разговоры ни о чем. Здесь же целый день могла не встретить ни одного человека и нисколько не тяготилась одиночеством. Наоборот, именно в этой тишине ей почему-то легче дышалось.

Иногда она оставалась на ночь.

Дом встречал ее тем самым запахом, который бывает только в старых деревенских избах: сухого дерева, печной золы, полыни, развешанной под потолком, и еще чего-то неуловимого, что невозможно описать словами, но невозможно и забыть.

Перед сном Вера по привычке выходила на крыльцо.

Деревня давно засыпала вместе с солнцем. Ни музыки, ни телевизоров за окнами, ни соседских разговоров. Только ветер осторожно перебирал листву старых берез, да где-то далеко, за рекой, лениво перекликались собаки.

Деревня умерла давно. Один за другим пустели дома, оседали крыши, зарастали бурьяном огороды. Молодые уехали в города, старики перебрались на кладбище, и только оно с каждым годом становилось все больше и ухоженнее. Дома ветшали, а кладбище, наоборот, жило своей жизнью. На родительские дни, Троицу и другие поминальные праздники сюда съезжались дети, внуки, правнуки. Они красили оградки, поправляли памятники, сажали цветы, подолгу сидели у могил, разговаривая с теми, кого уже не было. Казалось, единственное место в деревне, где еще продолжалась настоящая жизнь, было кладбище.

Странное дело...

Ей никогда не было здесь страшно.

Хотя вокруг стояли пустые дома, а почти все люди, которых она когда-то знала, давно лежали на кладбище.

Однажды вечером она поймала себя на мысли, что уже больше часа сидит на крыльце и просто слушает тишину. В городе такая тишина показалась бы тревожной. Здесь же она была живой. Казалось, деревня не умерла, а просто задремала до утра.

Вера улыбнулась собственной глупой мысли, поднялась и вошла в дом, плотно прикрыв за собой дверь.

Она еще не знала, что это будет ее последняя спокойная ночь.

Ночью Веру разбудил громкий стук.

Спросонья она не сразу поняла, что происходит. Кто-то колотил не в окно, а в дверь, да так, будто собирался снести ее с петель.

— Верка! — раздался знакомый хриловатый голос. — Ты оглохла там, что ли? Открывай!

Вера резко села на кровати.

Стук повторился.

— Да открывай ты, мать твою! Уснула она...

Сон как рукой сняло.

Этот голос невозможно было спутать ни с чьим.

Тетка Таня.

Пьяная.

Как всегда.

Она именно так и приходила всю жизнь. Никогда не звонила, не стучала тихонько. Просто начинала ломиться в дом, будто жила здесь вместе со всеми и имела полное право войти без приглашения.

— Верка! Соль есть? Открывай, не выделяйся!

Вера уже успела сунуть ноги в тапки и сделать несколько шагов к двери, когда вдруг остановилась.

Что-то было не так.

Она стояла, положив руку на дверную ручку, и никак не могла понять, что именно ее смутило.

И вдруг вспомнила.

Таня умерла.

Три года назад. Она сама приезжала на похороны.

Сама стояла у могилы.

Сама бросала мерзлую землю на крышку гроба.

За дверью снова загрохотали.

— Верка! Да ты откроешь сегодня или нет?!

И Вера, сама не понимая зачем, медленно отодвинула щеколду.

Дверь тут же распахнулась.

Тетка Таня почти оттолкнула ее плечом и, не здороваясь, прошла в дом.

— Ну и холодина у тебя... — буркнула она, стягивая с головы старый шерстяной платок.

— Печь хоть топила?

Не дожидаясь ответа, прошла на кухню, открыла дверцу буфета, потом вторую.

— Где соль-то держишь? Опять переставила?

Вера молча стояла в дверях.

Таня обернулась.

— Ты чего вылупилась?

И тут же нахмурилась.

— Заболела, что ли?

Подошла почти вплотную, прищурилась и неожиданно приложила ладонь к Вериному лбу.

Совсем как живая.

— Да нет... Не горячая...

Она пожала плечами, достала из кармана смятую пачку «Примы», привычным движением вытащила сигарету и уже собралась прикурить.

— Ты что делаешь? — наконец выдавила из себя Вера.

— Курить собираюсь. Не видно?

— Здесь нельзя...

— Это с каких пор?

Таня усмехнулась.

— Раньше курила — ничего. Или ты теперь городская стала?

Она поискала глазами спички.

Не нашла.

— Черт... Спички есть?

Вера продолжала молчать.

Тогда Таня посмотрела на нее уже с раздражением.

— Верка, да что с тобой сегодня? Как не родная.

Вера так и стояла посреди кухни, не сводя глаз с тетки.

— Теть Тань...

— Ну?

— Я же тебя хоронила.

Таня наконец перестала искать соль и посмотрела на нее так, как взрослые смотрят на ребенка, сказавшего какую-то очевидную глупость.

— Ну хоронила.-Она пожала плечами. — И чего?

Вера почувствовала, как внутри все оборвалось

. — Как... чего?

— Так померла я.

Таня сказала это совершенно спокойно, будто речь шла о том, что вчера шел дождь.

— Померла. Ну и что теперь?

Она наконец нашла солонку, пересыпала соль в маленькую баночку и ловко завернула ее в носовой платок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.